

ГЛАВА 3

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ЦЕРКВИ

Во II веке церковь пережила значительные изменения, которые были вызваны двумя основными причинами: с одной стороны, церковь находилась под постоянным давлением репрессивной политики Римских властей (внешние удары), с другой стороны, внутри самой церкви не было единодушия; более того, постоянно ощущалось давление со стороны различных еретических учений (внутренние удары). Церковь отреагировала на все эти сложности по трем основным направлениям: произошли изменения в назначении епископа, начали создаваться символы веры и были созданы церковные каноны — список книг, признанных в качестве Священного Писания.

Как мы уже видели, в апостольской церкви существовали ряд должностей или назначений, некоторые из которых имели общий, а другие местный характер. Вскоре общие должности прекратили свое существование, тогда как значение местных усилилось; именно на них впоследствии зародилась церковная структура, которая в своих основных чертах существует до сих пор. Но, хотя эти местные назначения и сохранили свои названия, функции их значительно изменились. Наиболее важные изменения коснулись епископов. Но, чтобы лучше разобраться во всем происшедшем, нам придется обратиться к истории Игнатия Антиохийского.

Игнатий был не просто одним из епископов или старейшин церкви в Антиохии. Он был Епископом Антиохийским в том смысле, в котором мы говорим о епископах в наши дни. Так как он был широко известным лидером христианской общины в городе, в самом начале II века Римское правительство арестовало его и под конвоем доставило в Рим, где Игнатий предстал

перед судом и был казнен. По разным сведениям, это произошло либо в 107, либо в 115 году. Его конвой состоял из десяти солдат (он называл их “леопардами”), которые сопровождали его через всю Малую Азию, Грецию и Италию. Во время прохождения через Малую Азию Игнатию удалось наладить контакты со многими христианскими лидерами из Смирны, Эфеса, Филладельфии и Трои. Позднее он переписывался со многими из них, и эти письма — единственное, что осталось после его смерти, — свидетельствуют о его образе мышления. Все семь писем (включая и то, которое Игнатий отправил римской общине с просьбой не вмешиваться и не стараться помешать его казни) отражают его взгляды на положение епископа в церковной иерархии. Необходимо отметить, что эти взгляды во многом расходятся с новозаветными трактовками.

В своих письмах Игнатий постоянно указывал на различия между “епископом” и “пресвитерами”, или старейшинами. Слово “епископ” всегда упоминается только в единственном числе, тогда как вы не найдете ни одного случая употребления в единственном числе слова “пресвитеры”. Несмотря на то, что в Новом Завете оба эти термина встречаются только во множественном числе, для Игнатия дело обстояло уже не так. Он всегда имел в виду только одного епископа, стоящего как бы над церковью, которому помогает группа пресвитеров, непосредственно ему подчиненных. В этой исключительности, единственности епископа Игнатий видел символ единой церкви. Он предложил, чтобы епископ в качестве высшего авторитета занял место Иисуса Христа, тогда как пресвитеры должны были бы ассоциироваться с апостолами. Эта схема получила название монархического епископата или моноепископата — единственный епископ управляет церковью, располагая практически монархической властью.

В своем письме в Смирну Игнатий однозначно утверждал: никто не может проводить какие-либо изменения в церковной практике или решать что-либо без предварительного разрешения епископа. Кроме того, он настаивал, что только та трапеза Господня может считаться истинной, которую проводил либо сам епископ, либо лицо, специально им назначенное для этой цели². Без разрешения епископа нельзя было проводить ни крещения, ни праздника любви. В своем письме к Поликарпу Игнатий настаивал, что даже на бракосочетание требуется одобрение епископа³.

Беспокойство Игнатия отчасти можно объяснить заботой о единстве церкви. Лояльность руководству церкви и подчинение епископу позволяли избежать распространения опасных лжеучений и тенденций к расколу. Но это вело к тому, что Игнатий

придавал должности епископа гораздо большее значение, чем это было в апостольские времена.

Очень трудно объяснить, как же смогли произойти подобные изменения. В соответствии с ранними традициями Игнатий стал епископом в 69 году, то есть еще в апостольский период. Не подлежит сомнению, что до этого он длительное время был членом христианской общины в Антиохии; ведь еще апостол Павел говорил, что епископом не может быть новообращенный. Таким образом, Игнатий наверняка знал апостола лично и, следовательно, застал апостольские времена. Но тогда как же он сумел настолько отойти от апостольских правил? Его труды интересны тем, что Игнатий, кажется, не сомневался, что все окружающие разделяют его взгляды. И его совершенно не заботит, что его точка зрения во многом расходится с положениями Нового Завета. Все это лишний раз доказывает: изменения были не случайны; они должны были зародиться еще в первом веке, во времена апостолов.

Хотя, читая Игнатия, можно сделать вывод, что все церкви к тому времени стали похожи на антиохийскую, утверждать подобную мысль было бы не совсем правильно. Церковь в Риме, например, не меняла употребление слов “епископ” и “пресвитер” вплоть до 140 года⁴. Но вскоре после этого и в Риме начал развиваться монархический епископат. И только к 200 году по всему христианскому миру это течение стало явно преобладающим. Подобный процесс проходил везде, хотя и с небольшой разницей по времени. Но Игнатия не волновало, что пример Антиохии в его время не был типичен.

Еще один интересный момент у Игнатия — это знаменательное умолчание: он ни разу не упоминает “апостольскую преемственность”, даже в тех случаях, когда это могло быть ему полезным в спорах о единстве христианства. Оно показывает, что Игнатий был незнаком с идеей о том, что епископы — прямые наследники власти и положения, которое занимали апостолы; следовательно, эта идея родилась в более позднее время. И в самом деле, она была впервые сформулирована Иринеем несколько десятилетий спустя.

Как мы уже говорили, Ириней стал епископом Лионским в 178 г. после смерти годом раньше своего предшественника Потина. Он родился и вырос в Малой Азии и в еще довольно молодом возрасте получил христианское воспитание у самого епископа Смирны Поликарпа. Поликарп же в свое время воспитывался у апостола Иоанна. Таким образом, Ириней был учеником апостола “во втором поколении”, то есть прослеживалась прямая связь с апостольским временем. Будучи епископом важного города Лиона, Ириней также заботился о чистоте

христианского учения. Все его внимание было приковано к гностицизму, лжеучению, которое возникло еще в то время, когда апостол Павел писал свое Послание Колоссянам.

Гностицизм был философским извращением христианства и выступал у разных сект в различных вариантах. Общим для всех вариантов был крен в сторону интеллектуализма, попытка совместить христианство с логическими умопостроениями и философией. Гностики проводили строгое различие между плотским и духовным. Они верили, что весь физический мир создал низший бог; вот почему все земное, в том числе и человеческое тело, является по своей природе злом. Большинство групп гностиков отрицали человеческую природу Христа; с их точки зрения, Христос не мог быть одновременно и божественным и воплотившимся. Они считали, что Христос пришел спасти человека через знание (по-гречески "гносис"). Как утверждали гностики, спасительное знание можно получить после специального обучения, которое могли дать только они, но которое, в свою очередь, они получили из рук апостолов. Именно поэтому многие гностики утверждали, что только они являются продолжателями истинной апостольской веры, в то время как большинство остальных церквей утеряти эту истину.

Иринеи вступил в спор с этой ересью. Он утверждал, что лучший способ убедиться в соответствии церкви апостольскому учению заключается в тщательном анализе деятельности тех церквей, которые основали сами апостолы и которые имели четкий порядок наследования епископской власти с самых первых лет существования и до времени Иринея. Именно в этих церквях, по утверждению епископа, неуклонно охранялась чистота учения. В пример Иринеи поставил римскую церковь. Несмотря на то что церковь в Риме возникла еще до прибытия в "вечный город" Петра и Павла, оба эти апостола некоторое время работали в ней и стояли у ее истоков. Поэтому, без сомнения, эту церковь можно считать основанной самими апостолами. И, с триумфом заканчивал Иринеи, учение Римской церкви полностью отрицает гностицизм.

В этом весьма неоднозначном по своему смыслу фрагменте Иринеи писал: "Необходимо, чтобы каждая церковь была согласна с этой [Римской] церковью по причине ее высшего авторитета ввиду того, что апостольская традиция здесь всегда и везде соблюдалась неукоснительно"⁵. Говоря об этом утверждении, необходимо заметить, что даже с грамматической точки зрения это предложение составлено неправильно, что, естественно, не помогает пониманию и трактовке слов епископа. Часто эти слова использовались для доказательства верховенства Римской церкви, ведь Иринеи утверждал, что каждая церковь

должна находиться в гармонии с Римом. Другие утверждали, что Ириней имел в виду следующее: церковь в Риме состоит из разных людей со всего христианского мира; а так как эта церковь представляет собой настоящий микрокосм империи, то она могла придерживаться только общих для всей вселенской церкви положений. А любое учение, которое господствовало в каком-то одном регионе Римской империи, могло не встречаться в других областях. Вот почему то, что провозглашалось в Риме, должно было соблюдаться повсеместно; но гностицизм совершенно определенно отрицался римской церковью, поэтому это — лжеучение. Ириней важен для нас не только потому, что он продолжал развивать идею епископской власти, но и потому, что его трудами, что бы он ни имел в виду, когда писал их, впоследствии пользовались многие для доказательства того, что верховная власть Рима существовала уже во втором веке.

Другой реакцией на еретические учения стали символы веры. Символ веры — это простое изложение истин веры, своего рода кредо верующего. Простым символом веры является и исповедание Петра (см. Мф. 16:16). К ним также относятся такие библейские утверждения, как “Иисус Господь” (см. 1 Кор. 12:3) или “Сей есть Господь всех” (Деян. 10:36). В ранней церкви появились дополнительные утверждения или символы веры, большинство из которых можно заключить в рамки трехчастного деления, которое установлено в Евангелии от Матфея, 28:19: “Отец, Сын и Святой Дух”. Основным символом на Западе был Ранне-римский крестильный символ веры, сложившийся около 150 года. В нем утверждалось:

Верую в Бога-Отца Всемогущего;
И в Христа Иисуса, Его единственного Сына, Господа нашего;
И в Духа Святого, святую церковь, в воскресение тела⁶.

Все это произносилось в вопросительной форме, и после каждой фразы следовал ответ “да” человека, который крестился. Так развилось “тройное погружение”. У человека, которого крестили, спрашивали: “Веришь ли ты в Бога...”, на что он отвечал: “Да” и принимал крещение. Для второй и третьей фраз повторялся тот же обряд, и все это сопровождалось тройным погружением в воду.

Но к концу века церковные лидеры почувствовали необходимость расширить символы веры, чтобы отмежеваться от гностицизма. Старые Римские Символы, сформулированные в 200 году, гностики использовать не могли из-за утверждений, касающихся Христа. Эти символы служили удобной теологической базой для проверки ортодоксальности людей. Первый пункт не изменился, но основополагающие утверждения о Христе гласили:

И в Христа Иисуса Его единственного Сына нашего Господа;
Который был рожден Святым Духом и Девой Марией;
Который при Понтии Пилате был распят и погребен;
На третий день Он воскрес из мертвых,
Он вознесся на небеса,
И восседает там по правую руку от Отца,
И придет судить живых и мертвых.

Из-за того, что гностики отрицали воплощение Христа, они не могли повторить такие утверждения, как “родился”, “распят и погребен”, “воскрес из мертвых”. Так символы веры служили своей цели. Апостольские символы веры были сформулированы позднее в Испании около 650 года, хотя они и основывались на изначальном трехчастном делении. Хотя легенды утверждают, что апостолы дали их непосредственно после вознесения, но сама эта идея позднего происхождения.

Для чего нужны были символы веры? Одна из причин заключалась в том, что в то время еще не были официально отобраны книги Нового Завета. Никто не мог в споре привести главный аргумент, “Гностики неправы, потому что в Новом Завете совершенно определенно говорится...” Все книги, которые теперь составляют Новый Завет, были известны и ходили в народе, но они еще не были кодифицированы. Гностики утверждали, что в их собственных книгах содержится специальное учение и, поэтому в церкви второго века возник конфликт об истинности первоисточников. Об одном из первых конфликтов на этой почве рассказывается в истории Маркиона.

Маркион (?-160), родом из Понта, был отлучен от местной церкви за аморальный образ жизни. Вскоре он прибыл в Рим (140 г) в качестве молодого богатого торговца. Вскоре он занял видное положение в Римской церкви и занимал его до тех пор, пока его гностические взгляды не стали известны общине, и в 144 году он снова был отлучен от церкви. Чтобы обосновать свои претензии на то, что излагает истинное апостольское учение, Маркион составил список канонических книг Нового Завета, которые являются Священным Писанием. “Канон” — греческое слово, буквально означающее “тростник”; имеется в виду тростник, который использовался для измерения как эталон меры. “Канон”, таким образом, должен был означать сборник писаний, по которому можно было бы определить истинность того или иного учения. Список книг, составленный Маркионом, сам по себе был хорош. Он включил в него Евангелие от Луки (опустив, правда, две первые главы, которые повествовали о человеческом рождении Христа; поскольку гностики отрицали воплощение, то для них это был очень спорный момент) и десять Посланий апостола Павла, исключая три пастырских

Послания и Послание к Евреям. Этот список был достаточно хорош, если бы не было предложено считать его единственным приемлемым христианским Священным Писанием. Чтобы защитить подлинность остальных Писаний, Римской церкви пришлось приступить к составлению своего собственного списка, который можно было бы противопоставить списку Маркиона.

Это привело к созданию множества списков, так как христиане в различных местах поставили себе задачей добиться согласия в вопросе, какие книги считать истинным Писанием. Одним из примеров такого раннего списка, датированного 170 годом, является “Мураторианский фрагмент”. Он представляет собой список Нового Завета за исключением Послания к Евреям, Послания Иакова, двух Посланий Петра, хотя в него вошла Книга Откровения Петра⁷. Эта последняя представляла собой типичный сборник, состоящий из десятка различных писаний, которые по своему происхождению вряд ли можно было отнести к апостольским, хотя они и использовались достаточно часто ранней церковью. Среди других подобных книг можно назвать 1-е Послание Климента, Учение Двенадцати Апостолов и множество других откровений и книг деяний.

Ориген (184—254), один из крупнейших церковных деятелей в Александрии, собрал много списков из различных христианских центров Средиземноморья. Он стал первым человеком, попытавшимся систематически сопоставить их, чтобы достичь в конце концов какого-то единства. Одним из его списков стала книга под названием “Гомологумена” — в этот список вошли книги, принятые всеми церквами. Он включал в себя четыре Евангелия, Книгу Деяний Апостолов, 13 Посланий апостола Павла, 1-е Послание Иоанна, 1-е Послание Петра и Книгу Откровения. Таким образом, все церкви средиземноморского бассейна приняли в качестве Священного Писания эти (двадцать одну) книги. Другой список, “Антилегумена”, также был принят некоторыми церквами, правда, далеко не всеми. Этот список объединял в себе Послание к Евреям, 2-е Послание Петра, 2-е и 3-е Послания Иоанна, Послания Иакова, Иуды и Варнавы, Учение двенадцати Апостолов, “Небесного Пастыря” и “Евангелие Евреев”. Очевидно, что во времена Оригена церковь далеко продвинулась по пути выработки соглашения в вопросе о том, какие труды можно считать Писанием. Но по-прежнему сохранялись различия и несогласия по поводу окончательного списка. Никейский собор не обсуждал канон, но уже Карфагенский собор в 397 году был посвящен этой теме. В результате появился сборник из 27 книг; эта редакция стала окончательным вариантом Нового Завета; в этом виде книга существует поныне. В чем же значение этого списка? Его трудно переоценить. Прежде

всего, этот сборник стал результатом деятельности не одного человека, но совместным решением большого собрания, в состав которого входил великий Августин.

Также важно отметить, что данное творчество невозможно приписать церкви; не церковь составила этот канон. Впоследствии некоторые ученые, особенно римские католики, будут утверждать, что с тех пор, как церковью был сформирован канон, она в своем праве трактовки Писания стоит над самим Новым Заветом. На самом деле это не так. Дело не в том, что церковь *сформировала* этот канон. Много различных книг было написано в апостольский период церкви вообще без ее одобрения. В конце концов все церкви признали эти книги каноническими. Таким образом, вместо "написания канона", церковь, после долгих поисков и размышлений, пришла к простому соглашению по поводу книг, которые можно считать подлинными и имеющими статус Священного Писания. Все это подняло Новый Завет над церковью, которая осознала, что Новый Завет как произведение апостолов обладает большим авторитетом, в то время как церковь должна постоянно сверять свою организацию и деятельность с примером апостольского христианства.

Существовало два главных текста, которые церковь использовала для проверки каноничности книг: была ли она написана апостолом и согласуется ли она с остальным апостольским учением. Так, Послание к Евреям и Откровение были включены в канон из-за твердой уверенности в том, что они были написаны апостолами: Павлом и Иоанном. Евангелия от Марка и Луки не были написаны апостолами, но Евангелие от Марка тесно связано с проповедью Петра, а Евангелие от Луки было написано после разысканий Луки в Палестине и благословлено его связью с Павлом. Иаков и Иуда не были апостолами, но они являлись единоутробными братьями Христа, а это придало их книгам значение и авторитет, особенно в глазах евреев. Так постепенно, шаг за шагом, церковью отбирались и собирались книги, обладающие известным для нее значением и авторитетом, и их начали считать каноническими.

Необходимо остановиться еще на двух моментах, которые оказали влияние на развитие структуры церкви того времени; оба они связаны с назначением епископов. Один из них касается термина "пресвитер". Как мы уже отмечали, это слово употреблялось в различных текстах неизменно вместе со словом "епископы", но Игнатий разделил эти два понятия и принизил значение пресвитеров. Вследствие повсеместного распространения принципа монархического епископата утверждалось, что каждая церковь управляется епископом, под властью которого находится несколько пресвитеров. Часто епископы направляли пресвитеров

на проповеди, председательствовать на трапезе Господней или выполнять всю пастырскую работу. Обычно пресвитеры жили вместе с епископами, возможно в постройках поблизости от церкви. Эти люди стали известны как епископская семья — название, которое укрепились за ними на весь период средневековья.

В III веке произошли и другие изменения. Церковь росла и расширялась, особенно в городах и окружающих их пригородах. Наконец церковь достигла той ступени развития, когда возникла необходимость увеличить число служб, чтобы принять толпы людей. Пресвитеры как раз и играли значительную роль в проведении этих дополнительных служб. Затем церковь должна была создавать пригородные церкви, с тем чтобы живущим там людям не приходилось ездить на воскресную службу в город. Пресвитеры, помогавшие епископу во время службы в городской церкви, часть трапезы Господней (благословленную непосредственно епископом; это, несомненно, с радостью одобрил бы Игнатий) передавали в эти пригородные церкви. Они также проводили там полные церковные службы, полномочия на которые им давал епископ. После окончания службы пресвитер возвращался в дом епископа.

Но со временем пресвитеры стали все больше времени проводить в пригородных церквях, занимаясь повседневной пастырской работой. Для них становилось неудобно и обременительно ежедневно возвращаться в дом епископа. Поэтому вскоре они начали оставаться в пригороде или местной церкви. Они превратились в тех, кого впоследствии стали называть приходскими священниками. Слово “священник” во многих языках происходит от греческого слова “пресвитер”. И хотя в греческом языке для слова “священник” есть иной эквивалент (“черос”), достаточно часто современные ученые переводят слово “пресвитер” как “священник”. Но его обязанности отличались от обязанностей языческих жрецов. Они больше были похожи на то, что мы называем священником в современном понимании. Таким образом, во II и III веках не только возникло значительное различие между понятиями “епископ” и “пресвитер”, которые в Новом Завете нераздельны, но также сложились те взаимоотношения между епископом и пресвитером, которые были похожи на отношения между нынешним епископом епархии и подчиненными ему священниками.

Постепенно церковь распространилась по всей империи. В первой половине III века гонения, наконец, стихли. Единственные значительные преследования христиан имели место в 202 году во время правления Септимия Севера, но большинство императоров следующей половины века попросту игнорировали

христианскую церковь. Поэтому стало гораздо безопаснее объявлять себя христианином, вследствие чего многие люди принимали христианство, не до конца вверяя себя Христу. В период новых гонений многие из них отрелись от христианства, когда надо было выбирать между жизнью и смертью.

Большинство императоров первой половины III века были грубыми невежественными людьми. Единственным исключением был Деций (249—251). Он так же, как и Марк Аврелий, был озабочен положением дел в империи. Империя переживала трудные времена, и император, как и Марк Аврелий, пришел к тому же выводу: необходимо польстить старым, “государственным” богам. Для этого всех граждан империи обязали поклоняться им, а тех, кто отказывался, приговаривали к смерти. Даже язычники, религии которых долгое время были разрешены, должны были принести жертвы на алтарь римских божеств. Те, кто жертвовали, получали свидетельство об этом (*libellus*), которое удостоверяло, что этот человек принес жертву. Многие христиане не выдержали, сломались под натиском государства и обезопасили себя этим свидетельством. Среди них было и несколько епископов Северной Африки; два епископа в Испании почти полностью привели свои общины к алтарю римских божеств. Их чувства были похожи на чувства христиан первого века, которые ели предназначенное для жертвования мясо. Но так как христиане не верили в существование этих богов, их действия нельзя рассматривать как поклонение, но только как подчинение государству. Другие христианские руководители, особенно епископы, скрывались. Некоторые приобретали сертификаты на черном рынке, не принося жертву; они просто заявляли, что жертвовали.

Гонения начались в 250 году и закончились с гибелью императора в следующем году в битве с готами на северных рубежах империи. Эти репрессии стали первой попыткой полного уничтожения христианства, но ранняя смерть императора сделала ее безрезультатной. Как бы то ни было, эти усилия на некоторое время поколебали церковь. Перед ней встал вопрос: что делать с людьми, которые принесли жертву, тем самым отрелись от своей веры?

Положение усугублялось большим числом мучеников, отдавших жизнь за веру, и еще большим количеством людей, которые исповедали свою веру, несмотря на все страдания и мучения, и только по чистой случайности выжили. Эти люди получили название *исповедников*. (Одним из них был Ориген. В 251 году он подвергся пыткам, и в 254 году, умер от выпавших на его долю страданий). Христианство всегда почитало своих мучеников, и местные общины соответственно относились к своим

исповедникам. В Северной Африке они пользовались таким уважением, что могли улаживать даже серьезные случаи нарушения церковной дисциплины, отпускать людям грехи и позволять им вернуться в лоно церкви. Официально все это находилось только в ведении епископов.

По окончании репрессий было неясно, что же делать с тысячами отрекшихся (*lapsi*), которые хотели вернуться в церковь? Существовало три линии отношения к этим людям. Во-первых, были "твердые", которые безоговорочно считали этих людей отступниками: они предали Христа, а это очень серьезное преступление. Единственный путь снять этот грех — принять смерть мученика за веру. Им противостояли те, кто хотел быть снисходительным; к ним относилось и большинство исповедников. Они на себе пережили весь ужас пыток и, возможно, осознавали, какая тонкая черта отделяет тех, кто выстоял, и тех, кто не выдержал. Они чувствовали, что отступники больше всех остальных нуждались в хорошем пастыре, и поэтому их необходимо вернуть в лоно церкви, где они смогли бы получить истинную духовную поддержку. Для этого возвращение в церковь должно быть как можно проще, чтобы эти люди действительно могли возвратиться и укрепиться. Кроме этих двух основных направлений, существовало еще и третье — умеренные. Они были за возвращение в церковь отступников, но грех последних был слишком велик; вот почему они требовали доказательств их исправления в течение двух-трех лет испытательного срока. Итак, существовало три точки зрения: сделать возвращение невозможным, сделать его как можно более легким и сделать его действительным.

В центре конфликта оказался Киприан, епископ Карфагена (248—258). Он считал, что исповедники слишком просто относятся к подобным вещам; сам же он принадлежал к умеренным. Но сторонники жесткой линии сформировали довольно значительную оппозицию, и с ними необходимо было считаться. Неожиданно в спор в Карфагене вмешался Рим. Епископ Римский было убит во время гонений, и в 251 году на этот пост претендовало два человека. Один из них, Корнелий, был умеренный, другой же, Новатиан, придерживался жестких взглядов. Избран был Корнелий, но сторонники твердой линии отказались принять его. Вместо этого они избрали епископом Новатиана. Оба кандидата написали в Карфаген Киприану, прося о поддержке. После расследования Киприан установил, что Корнелий избран законно и поддержал его. Но Новатиан отказался подчиниться; в Римской церкви он организовал раскол, стараясь заручиться поддержкой где только можно, включая и сторонников твердой линии в самом Карфагене, и даже назначил

“правильного” епископа в карфагенскую церковь. Таким образом, этот раскол получил широкое распространение и впоследствии был назван “схизмой Новатиана”.

Среди его сторонников было немало хороших проповедников, и им удалось привлечь в свою церковь довольно много людей, крестя их как христиан. Но спустя некоторое время, все встало на свои места, и многие из сторонников Новатиана перешли в церковь под управлением Киприана; среди них было много и тех, кто крестился у Новатиана. Но теперь встал другой вопрос: истинно ли крещение, полученное в еретической или раскольнической церкви? Ответ Киприана был однозначным: “Нет!” Но против него выступил новый епископ Римский Стефан (254—257). Он считал, что до тех пор, пока есть истинный мотив крещения и при этом сказаны правильные слова, крещение, естественно, остается в силе. Позиция Стефана стала господствующей позицией в церкви вплоть до наших дней. Это значит, что истинность церковного служения не зависит от личных качеств или точки зрения проповедника или священника до тех пор, пока строго выполняются все правила и соблюдается установленный порядок. Киприан пережил Стефана на год, поэтому его можно назвать победителем в этом споре, но в следующем веке все-таки восторжествовала точка зрения его соперника.

Спор, о котором здесь рассказано, очень важен для дальнейшего рассмотрения. Хотя Киприан оставил свои центристские позиции, его точка зрения стала общепринятой даже для Римской церкви. Не соглашаясь с истинностью еретического крещения, Киприан начал задаваться вопросом о структуре церкви. Он вернулся к идеям Игнатия, который считал: христиане должны подчиняться своему епископу, и, кроме епископа, нет никаких истинных руководителей. Киприан развил эту позицию дальше. Теперь он провозгласил девиз: *extra ecclesiam nulla salus* — вне церкви нет спасения. Все христиане должны были принять это. Но Киприан отождествлял церковь с теми, кто подчиняется своему епископу. Позднее католики продвинули вперед эту идею, заявив, что вне церкви нет спасения, а церковь — это те, кто признает полное подчинение Папе. Следовательно, вне Папы нет спасения.

Очень интересно и поучительно сравнить эти две позиции: точки зрения Киприана и Рима. В противостоянии относительно отступников он и Корнелий выступили вместе против африканских ригористов. Киприан свято верил в единство церкви, и в своей книге “О единстве церкви” он писал о единстве епископального тела в содружестве с Римским епископом. Он также подтверждал приоритет Петра и, следовательно, наследника

Петра, епископа Римского. Однако, вскоре после этого, он разошелся со Стефаном: камнем преткновения стал вопрос о перекрещении. Вскоре он выпускает второе издание своей книги, в котором меняет свою точку зрения на примат Петра и выдвигает теорию местных епископатов. Епископов он рассматривал как основу единства церкви (в согласии с Игнатием), причем каждый епископ признавался сувереном в своей провинции. Таким образом, он давал понять Стефану, что Карфаген представляет собой точно такой же епископат, как и Рим, и, следовательно, у Стефана нет никакой власти в Карфагене⁸. Эта точка зрения известна сегодня под названием "коллегиальность епископов" — власть в церкви принадлежит всем епископам, а не кому-нибудь из них в особенности. Епископ Римский уже был известен как *primus inter pares* — первый среди равных. Это означало, что все епископы равны в своей власти, но римский епископ стоит первым в этом списке.

Из этого спора мы получили пример, типичный и для дальнейшего в том случае, когда епископ понимает, что Рим согласен с ним, он признает первенство Рима. Он говорит своим оппонентам, что Рим всегда прав, поэтому им лучше смириться и принять точку зрения Рима, как это сделал он сам. Но когда епископ обнаруживает, что Рим соглашается с его противниками, то он меняет свою позицию и заявляет, что все епископы равны, и Рим, следовательно, не имеет никакой власти на местах. Таким образом, утверждение позднейших римских католиков, что примат Рима существовал еще в ранней церкви, ошибочно; он принимался только теми, кто хотел извлечь из этого определенные политические преимущества. Напротив, первенство Рима не принималось теми, кто не соглашался с римским епископом. Эти последние придерживались ранних традиций: каждый епископ в своей общине независим и пользуется всей полнотой власти. Первый среди равных? Все это попросту зависит от того, каких позиций в споре придерживаются местный епископ и епископ Римский. Если они выступают на одной стороне, то Рим — первый; если они стоят по разные стороны, то Рим — равный.

За время всего этого развития, от Игнатия до Киприана и далее, структура церкви изменилась. Административная машина росла, церковь расширялась, а должность епископа приобретала все большее значение.

ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ 3

Gregory C.R. *Canon and Text of the New Testament*. — N.Y.: Charles Scribner's Sons. — 1907.

Несмотря на давний год издания, книга является великолепным пособием по изучению истории канона Нового Завета.

Harnack A. *The Constitution and Law of the Church in the First Two Centuries*. — N.Y.: Williams & Norgate. — 1910.

См. лит. к главе 1.

Lietzman H. *The Founding of the Church Universal*. — Cleveland: The World Pub. Co. (Meridian Books). — 1961.

Изображение Лицманом новозаветного периода окрашено его либерализмом, однако это достаточно надежный трактат по истории ранней церкви.

Westcott B.F. *A General Survey of the History of the Canon of the New Testament*. — L.: Macmillan. — 1896—1897.

Классическая и вполне доступная работа о формировании канона Нового Завета.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Придумайте ситуацию, когда вам необходимо изобразить давление, оказываемое на местные церкви, чтобы привести их как можно ближе к монархическому епископату. Постарайтесь не сдерживать свою фантазию, но оставайтесь при этом в границах правдоподобия.
2. Каково ваше мнение об использовании символов веры в местных церквях? Изменилась бы ваша позиция хотя бы немного, если бы символ рассматривался как личная позиция, а не позиция церкви?
3. Напишите небольшое сочинение, в котором попытайтесь убедительно доказать, что именно церковь является автором Нового Завета и, следовательно, имеет над ним власть. Попробуйте на другом листе бумаги столь же убедительно опровергнуть эту точку зрения.
4. Как вы думаете, был ли прав Новатиан, отстаивая свою позицию, что нельзя снижать уровень требований к тем членам церкви, которым не хватило мужества или веры? А что сказал бы по этому поводу Иисус? Павел? Свои ответы подкрепите соответствующими текстами Писания.
5. Как вы относитесь к решению ранней церкви признать истинными все таинства, если при этом произносились правильные слова и был правильный мотив поступка? Как можно все это применить к современному крещению, в том числе по отношению к людям, которые хотят выйти из баптистской церкви?

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Игнатий: Trallians 2:1-2. Эти послания Игнатия опубликованы в LCC, I, стр. 74—120, а также в ANF, I, стр. 45—96.
2. Игнатий, Smugnacans 8:1.
3. Игнатий, Polycarp 5:2.
4. I Клемент, глава 44, использует эти названия без изменений. Эта книга была написана около 97 года. Ссылку на нее можно найти в LCC, I, 64 или ANF, I, 17. Ганс Лицман утверждал, что "институт пресвитеров" находился у власти в римской церкви в 140 году. См. его комментарии к "A History of the Early Church", V. II. Leitzman H. "The Founding of the Church Universal". — Cleveland: The World Publishing Company, Meridian Books. — 1961. — P 60. Чтобы познакомиться с его трактовкой развития монархического епископата, см. Ibid., P. 58-68.
5. Иринеи, "Против ересей" ("Against Heresies"). Эта работа опубликована в ANF, I; эта ссылка находится на с. 415—416.
6. Очень полезная и ценная дискуссия по поводу ранних символов веры содержится в В.А. Gerrish (ed.): "The Faith of Cristendom: A Sourcebook of Creeds and Confessions". — Cleveland: The World Publishing Company [Meridian Books]. — 1963. И ранние римские крестильные символы веры, и старо-римские символы веры приведены на с. 55. Более полная информация содержится в Scaff, II.
7. Мураторианский канон опубликован в ANF, V, p. 603—604.
8. Об этом изменении позиции Киприана, а также его текст так и комментарии, см. LCC, V, p. 122, 126 и 142.

